

DOI: 10.31857/S086919080030231-1

«КРАСНАЯ УГРОЗА», КОЛОНИАЛИЗМ И МУЧЕНИЧЕСТВО:
ДИСКУРС ВИКТИМИЗАЦИИ В ИРАНСКИХ СМИ
В ОТНОШЕНИИ СОБЫТИЙ ПЕРЕВОРОТА 1953 г. В ИРАНЕ

© 2025

М.А. АЛОНЦЕВ ^a, В.С. ТИТОВА ^b^{a, b} – Национальный исследовательский университет

«Высшая Школа Экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-2490-1551; malontsev@hse.ru

^b – ORCID 0009-0003-9835-2900; veronicatitova29@gmail.com

Резюме: Статья исследует дискурс виктимизации и коллективной травмы в иранских СМИ начала 1950-х гг., освещавших политические события вокруг переворота 19 августа 1953 г. – одного из ключевых событий в истории Ирана XX в., последствия которого оказали значительное влияние на взаимоотношения власти и общества, а также на внешнеполитический курс современного иранского государства. В результате переворота, осуществленного при поддержке спецслужб Великобритании и США, был смещен премьер-министр Мохаммед Мосаддык, снискавший политическую славу на волне движения за национализацию нефтяной промышленности Ирана, а вся полнота власти перешла к шаху Мохаммеду Резе Пехлеви. Этот переворот, как и предшествовавшее ему политическое противостояние молодого шаха и умудренного опытом премьера, с одной стороны, стали своего рода апогеем политической либерализации в Иране 1940-х – начала 1950-х гг., а с другой – положили ей конец.

Либерализация, вызвавшая небывалый рост общественной жизни, также привела к расцвету печати и возникновению газет и журналов, транслировавших широкий спектр политических взглядов. Иранская пресса того времени активно обсуждала как само политическое противостояние, так и участие в нем внешних сил – реальное или мнимое. Причиной возникновения подобных рассуждений была складывавшаяся в ту эпоху коллективная травма: на тот момент уже более ста лет иранское государство было объектом экспансионистских устремлений колониальных империй, а потому боровшиеся за власть стороны обвиняли своих противников в политической несамостоятельности и сотрудничестве с иностранцами в ущерб интересам народа. Основываясь на анализе изданий тех лет, придерживавшихся разных позиций, мы утверждаем, что истоки дискурса виктимизации Ирана, популярного в современной официальной риторике и играющего важную роль в исторической памяти, восходят к событиям тех лет, а укрепление этого дискурса стало возможным благодаря медиатизирующей функции СМИ.

Ключевые слова: политика памяти, Исламская Республика Иран, СМИ, виктимизация, Мохаммед Мосаддык, коллективная травма, Холодная война, медиатизация

Для цитирования: Алонцев М.А., Титова В.С. «Красная угроза», колониализм и мученичество: дискурс виктимизации в иранских СМИ в отношении событий переворота 1953 г. в Иране. *Восток (Oriens)*. 2025. № 4. С. 176–187. DOI: 10.31857/S086919080030231-1

THE 'RED SCARE', COLONIALISM, AND MARTYRDOM:
THE DISCOURSE OF VICTIMIZATION IN THE IRANIAN MEDIA
ABOUT THE EVENTS OF THE 1953 COUP IN IRAN

© 2025

Maxim A. ALONTSEV^a, Veronica S. TITOVA^b^{a, b} – HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2490-1551; malontsev@hse.ru

^b – ORCID 0009-0003-9835-2900; veronicatitova29@gmail.com

Abstract: *This article examines the discourse of victimization and collective trauma in Iranian media during the early 1950s, particularly in relation to the Coup of August 19, 1953. This event is crucial in modern Iranian history, profoundly impacting the relationship between the government and society, as well as shaping contemporary Iran's foreign policy. The coup, supported by MI6 and the CIA, led to the ousting of Prime Minister Mohammad Mosaddegh, who played a key role in the nationalization of Iran's oil industry, resulting in the transfer of power to Shah Mohammad Reza Pahlavi.*

The period leading up to the coup marked both the peak of political liberalization in Iran and its abrupt end. This period marked the rise of a vibrant press that supported various political perspectives and engaged in discussions about political conflicts and external influence, whether real or imagined. These discussions were rooted in the collective trauma caused by centuries of colonial expansionism, which led various political factions to label their opponents as dependent on foreign powers. By analyzing media publications from that time, we argue that today's narrative of victimization in Iran – often present in official rhetoric and vital to historical memory – traces back to these events. The media played a crucial role in shaping and reinforcing this victimization narrative, establishing a foundational aspect of Iran's political discourse. A deeper understanding of the roots of this narrative is vital for comprehending Iran's ongoing political dynamics and the enduring impact of the collective trauma of colonialism on its society.

Keywords: politics of memory, Islamic Republic of Iran, media, victimization, Mohammad Mosaddegh, collective trauma, Cold War, mediatization

Для цитирования: Alontsev M.A., Titova V.S. The 'Red Scare', Colonialism, and Martyrdom: the Discourse of Victimization in the Iranian Media about the Events of the 1953 Coup in Iran. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 4. Pp. 176–187. DOI: 10.31857/S086919080030231-1

В каждую годовщину событий государственного переворота в Иране 19 августа 1953 г., в результате которого от власти был отстранен премьер-министр Мохаммед Мосаддык (1882–1967), иранские СМИ выпускают серию статей, рефлексирющих над этими событиями. Примечательно, что в номере газеты «Кейхан» от 18 августа 2020 г. приводится точка зрения верховного лидера ИРИ, Али Хаменеи (род. 1939). Рассуждая о перевороте, в организации которого принимали участие спецслужбы США и Великобритании, первое лицо государства назвал последнего шаха Ирана Мохаммеда Резу Пехлеви (1941–1979) безвольным исполнителем желаний Запада, а также указал на отсутствие у Ирана тех лет политической субъектности: «То есть их не устраивают даже такие, как Мосаддык; им нужен слуга или дворецкий, но какой? Такой, как Мохаммед Реза Пехлеви» [Keyhān (18.08.2020)].

Эти слова как нельзя лучше иллюстрируют ключевые компоненты политики памяти ИРИ в отношении событий 1953 г.: в них очевидны резкая антизападная риторика, а также

тенденция к представлению Ирана как жертвы западных держав. Подобные идеологические конструкции можно объяснить критическим отношением к династии Пехлеви и монархии вообще – политика современного Ирана преподносится как независимая от внешних игроков, а пропаганда нынешнего иранского режима последовательно конструирует образ династии Пехлеви как исключительно прозападной¹. Однако сведение причин устойчивости антизападной риторики современных иранских властей исключительно к необходимости критики «старого режима» и конструированию собственной идентичности «от противного» создает весьма поверхностное представление об идеологических трендах в иранском обществе второй половины XX – начала XXI вв. Апеллируя к историческим событиям, современный иранский истеблишмент входит в сферу политики памяти (нарративы которой до известной степени им же и формируются) и обращается к культурным травмам, сам процесс возникновения которых связан с популярностью определенных трактовок ключевых событий иранской истории. Исходя из этого, мы предлагаем искать корни популярного в современном Иране дискурса виктимизации в интерпретациях переломных исторических моментов, при этом фокусируя внимание именно на тех трактовках, которые создавались и распространялись непосредственными свидетелями описываемых событий.

Цель данной статьи – исследование проявлений дискурса виктимизации в иранских СМИ, которые описывали события переворота 1953 г. в Иране² «по горячим следам». Анализ воспроизводимых ими нарративов позволит не только определить ключевые аспекты восприятия этих событий их непосредственными свидетелями, занимавшими к тому же разные стороны конфликта, но и пролить свет на процесс формирования коллективной травмы в иранской исторической памяти. Исследователи называют переворот против Мосаддыка одним из ключевых событий современной иранской истории, во многом определившим и постепенное складывание авторитарного режима во внутренней политике Ирана, и внешнеполитический курс государства. А стабильное появление новых научных работ, публицистических статей в газетах и журналах, фильмов и других художественных произведений подчеркивает важность этих событий для исторической памяти иранцев и ее политических воплощений. Выявление истоков современного дискурса виктимизации, играющего, на наш взгляд, важную роль в современной исторической памяти о перевороте 1953 г., является одной из задач статьи.

Изучение политики памяти в до- и послереволюционном Иране является перспективным полем исследования. Большинство работ по исторической политике считают Исламскую Революцию 1979 г. и Ирано-Иракскую войну (1980–1988 гг.) [Rolston, 2020; Saramifar, 2022] ключевыми источниками формирования коллективной культурной травмы [Zokaei, Vaala, 2020] и современных интерпретаций культа мучеников в иранской идентичности. Роль переворота в конструировании этой травмы остается малоизученной, особенно если учитывать внимание к этой теме в Иране и за его пределами. Более того, в существующих исследованиях анализируется именно политика памяти в современном Иране, а источниками данных исследований преимущественно являются учебники истории [Yazdanjoo, 2012; Vejdani, 2014], а также речи официальных лиц ИРИ [Gholizadeh, 2012]. Мы же предлагаем, с

¹ Это утверждение имело определенную популярность и в научной литературе, однако в работах последнего времени ставится под сомнение. См., например: [Matin-Asgari, 2018; Ansari, 2012].

² В иранистике, как, впрочем, и в современной политической риторике Ирана за этими событиями закрепилось название «переворот» – он был совершен при поддержке спецслужб США и Британии; в его результате от своей должности был отстранен иранский премьер-министр Мохаммед Мосаддык, а вся полнота власти оказалась в руках его политического оппонента, шаха Мохаммеда Резы Пехлеви [Abrahamian, 2001, p. 193]. Переворот, с одной стороны, подвел итог политической либерализации 1940–50-х гг. и стал первым шагом на пути укрепления авторитарного режима шаха, а с другой – укрепил коллективную травму, играющую важную роль в отношении иранцев к внешнему миру.

одной стороны, взглянуть не на результат (пусть и промежуточный, поскольку историческая память не статична), но на истоки формирования коллективной травмы в связи с событиями 1953 г., а с другой стороны – выделить эти события в качестве одного из узловых моментов, оказывающих значительное влияние на нарративы политики памяти в современном Иране.

Несмотря на то, что большая часть исследователей политики памяти в Иране определяют учебные материалы по истории как ключевой источник политики памяти, СМИ также вносят значительный вклад в формирование образов прошлого и конструирование национальной идентичности. При этом в процессе сбора, обработки и передачи информации СМИ способны видоизменять реальные факты, отдавая им свои медиатированные значения (*mediated meanings*), возникающие в ходе фабрикации мнимых образов или событий реальности³. Так, медиа могут как оказывать влияние на аудиторию, выступая в качестве «медиаторов», так и формировать независимые дискурсы. Например, в авторитарных государствах (а иранские политические режимы XX в. вполне можно отнести к таковым) издания подчиняются официальному дискурсу [Rahimi, 2015] и выступают в качестве средства легитимации действующей власти и ее политики.

Несмотря на связь дискурса виктимизации и радикально антизападной риторики, господствующей в официальном поле Ирана после Исламской Революции 1979 г., мы утверждаем, что истоки его прослеживаются еще в дореволюционных СМИ, медиатизирующая функция которых способствовала распространению подобных представлений среди непосредственных участников и свидетелей этих событий. Это утверждение определяет круг источников данной работы – в ней мы рассмотрим газеты, освещавшие политическую жизнь Ирана в начале 1950-х гг. Цель такого подхода – попытка проследить корни коллективной травмы в иранской исторической памяти, которую оставил после себя переворот 1953 г.

Ключевыми источниками для данного исследования являются три издания – официальная «Эттелаат», старейшая из ныне действующих газет Ирана, «Шуреш», основной печатный орган «Национального фронта», и близкая к военным кругам «Техран Мосаввар». Кроме того, в рамках контрастного сопоставления к анализу будут привлекаться материалы газеты «Ниру-йе Севвом», представлявшей социалистическое крыло сторонников Мосаддыка, а также издания «Тоуфик», сатирическая направленность которого предполагает до известной степени критическое отношение к обеим сторонам конфликта. Такой круг источников позволяет услышать голос разных групп интересов в Иране 1950-х гг. и составить более полное представление о конструируемых в СМИ нарративах.

ИРАН И КОЛОНИАЛИЗМ

Вторая половина XIX – первая половина XX вв. в истории Ирана были, среди прочего, эпохой проникновения в страну колониальных держав – в первую очередь, России и Британии. Одним из проявлений колониализма в Иране являлись концессии, которые иностранцы получали от правящей династии Каджаров (1796–1925) – так, из-за выданной в 1901 г. промышленнику Уильяму Ноксу Д'Арси концессии на разработку нефтяных промыслов часть месторождений находилась под контролем созданной в 1909 г. Англо-персидской нефтяной компании (АПНК)⁴. При этом доходы иранской казны были непро-

³ Термин «медиатизация» был введен Дж. Томпсоном, который подчеркивает все более растущее влияние СМИ на общество, указывая при этом на институционализированную основу этого влияния [Thompson, 1995]. Двухаспектную интерпретацию этого понятия приводит К. Лундбю, рассуждающий, с одной стороны, о «медиатизации общества», и о «медиатизации внутри общества» – с другой [Lundby, 2009]. В схожем ключе трактует медиатизацию С. Хьявард: важно принимать во внимание не только рост влияния СМИ в обществе, но и степень подверженности общества этому влиянию [Hjarvard, 2008].

⁴ В 1935 г. была переименована в Англо-иранскую нефтяную компанию (АИНК).

порциональны возраставшей роли нефтепродуктов в мировой экономике, а сама АИНК, в свою очередь, являлась мощным инструментом для сохранения и укрепления британского влияния в регионе в межвоенный период [Abrahamian, 2021, p. 166–167].

Зависимость не ограничивалась лишь экономической сферой. В 1907 г. было подписано Англо-русское соглашение, разделявшее Иран на сферы влияния. Конституционная революция в Иране 1905–1911 гг. завершилась после ультиматума Российской империи и последовавшей за ним интервенции российских войск. Во время Первой мировой войны иранская территория стала полем противоборства двух враждующих военных блоков [Atabaki, 2006; Арабаджян, 2021]. Пришедшие к власти в России большевики публично денонсировали Англо-русское соглашение, как и прочие неравные договоры, однако пытались установить советскую власть в прикаспийских областях Ирана, оказывая помощь Гилянской советской республике. Наконец, в 1941 г. войска Союзников оккупировали Иран, ссылаясь на опасность германского присутствия в стране, и заставили Реза-шаха Пехлеви (1925–1941) отречься от престола [Abrahamian, 2021, p. 170; *Иран и Вторая мировая война*, 2011], а послевоенный вывод советских войск перерос в Азербайджанский кризис 1946 г.

Британская экспансия в Иране стала одним из объектов критики созданной в 1949 г. Мохаммедом Мосаддыком организации «Национальный фронт». Первоначально существовавшее как зонтичная структура, это движение поставило во главу политической повестки вопрос о национализации природных ресурсов Ирана – речь, в первую очередь, шла об АИНК [Heiss, 1997]. Закон о национализации нефтяной промышленности Ирана был подписан 15 марта 1951 г., что послужило поводом для конфронтации Мохаммеда Мосаддыка и Мохаммеда Резы Пехлеви на внутривнутриполитическом поле, а Ирана и Британии – на внешнеполитическом [Mokhtari, 2008].

19 августа 1953 г. при поддержке США и Великобритании в Иране состоялся государственный переворот против Мохаммеда Мосаддыка – его целями были недопущение усиления позиций СССР в Иране (одной из главных действующих политических сил в иранской политике послевоенного десятилетия была коммунистическая партия «Туде») [Gasiorowski, 1987], а также сохранение влияния западных стран в регионе. В 1954 г. было заключено соглашение, согласно которому иранская нефть передавалась в ведение Международного нефтяного консорциума. Таким образом, контроль над иранской нефтью вновь перешел к иностранным государствам, пусть и на более выгодных для Ирана условиях. Эти события, ставшие своего рода апогеем экспансионистской политики иностранных государств в Иране, укрепили колониальную травму в иранской исторической памяти. Можно утверждать, что события 1953 г. являются чрезвычайно дискуссионным вопросом иранской исторической памяти, а современные иранские политики, апеллируя к перевороту, эксплуатируют нарративы о виктимизации Ирана.

ВИКТИМИЗАЦИЯ ИРАНА

На данный момент активное участие спецслужб Великобритании и США в перевороте документально подтверждено. Помимо мемуаров его участников (например, Кермита Рузвельта [Roosevelt, 1979; Zahrani, 2002]) об этом говорят рассекреченные архивы ЦРУ [Foreign Relations of the United States, 2017]. Именно официальное подтверждение активной вовлеченности западных спецслужб в свержении Мосаддыка подкрепляет нарративы виктимизации в современном Иране. Однако в контексте нашей гипотезы важно изучить динамику – как участие иностранных государств видели, обосновывали и интерпретировали непосредственные свидетели событий.

В те дни обвинения в потворстве интересам иностранных государств использовались обеими сторонами конфликта – и монархистами, и соратниками Мосаддыка. Так, газета «Шуреш» указывает на очевидную несамостоятельность действий сторонников шаха: «Вчера отмеченная Черчиллем чалма шпиона Кашани⁵ подобно веревке обвила его шею, это недостойный сейид, наплевавший на предков, а грязный, как у Муавии, подбородок бесстыдника Хаеризаде⁶ опустился к беременному животу 190-килограммового лидера».

«Шуреш» обвиняет самого шаха в содействии иностранным государствам и предупреждает о желании правительств Великобритании и США совершить переворот ради свержения Мосаддыка. Разрыв отношений между Великобританией и Ираном, напротив, рассматривается сторонниками «Национального фронта» как заслуга премьера: «Постоянные победы Мосаддыка и поражения его противников как внутри страны, так и за ее пределами – это факт, который невозможно отрицать. Вчера прозвенел колокол вечного изгнания Черчилля из Ирана, и бесстыдный и гнусный план иностранцев был разрушен» [Šureš 83 (11.07.1953)].

Мы видим, что «Шуреш» недвусмысленно указывает на связь шаха и его сторонников с иностранными государствами. В нарративе издания Мосаддык представляется народным лидером, выступающим за независимость Ирана, а шах и его соратники несамостоятельны и действуют в интересах Британии. Отметим, что «Шуреш», стоявшее на умеренно секулярных позициях, использует религиозные образы и терминологию, рассуждая о борьбе иранского народа за независимость. В приведенном выше карикатурном описании Абульхасана Хаеризаде упоминается один из главных антагонистов в шиитской истории – халиф Муавия из династии Омейядов, посягнувший на власть Али ибн Абу Талиба, которого шииты считают законным правителем. Кроме того, разные материалы «Шуреш» называют погибших в столкновениях сторонников Мосаддыка мучениками, тем самым придавая важному шиитскому концепту политическое прочтение. Шиитский культ мученичества становится важной частью агитации националистического издания: «О, доблестные дети Родины, о, герои в алых саванах, о, самоотверженные соратники Мосаддыка, о, безвестные и бесприютные дети древнего Ирана, возрадуйтесь, ведь Вы освободили страну от оков рабства и сделали нацию свободной» [Šureš 83 (11.07.1953)].

Религиозно-маркированную лексику использует и другая газета, издававшаяся сторонниками Мосаддыка, – «Ниру-йе Севвом». Это издание было одним из печатных органов «Партии трудящихся иранской нации» и активно использовало марксистскую риторику на своих страницах. В специальном выпуске газеты, посвященном годовщине протестов 17–21 июля 1952 г. против отставки Мосаддыка, находит свое применение образность шиитского культа мучеников. Передовица этого номера обрамляется лозунгами «Кровь мучеников 30-го тира (21 июля. – М.А., В.Т.) укрепила основы государства нации и доктора Мосаддыка» и «Мир мученикам и борющимся в первых рядах за свободу и национальную самостоятельность Ирана» [Nirū-ye Sevvom 223 (21.07.1953)]. Эта тенденция прослеживается на протяжении всего выпуска – на разных его страницах собраны изображения протестующих и погибших в ходе выступлений, предваряемые схожими лозунгами.

Сатирическое издание «Тоуфик» также активно освещало события вокруг переворота. Даже несмотря на беспрецедентную либерализацию общественной жизни, газета несколько раз подвергалась репрессиям за подчеркнуто радикальную позицию по вопросу иностранного влияния в стране [Javadi, 2017]. При этом политическая позиция самого издания ме-

⁵ Сейед Абулькасим Кашани (1882–1962) – иранский религиозный и политический деятель, бывший союзник Мосаддыка, перешедший на сторону шаха.

⁶ Сейед Абульхасан Хаеризаде (1894–1987) – политик, депутат Меджлиса от «Национального фронта», перешедший на сторону шаха.

нялась. Первоначально «Тоуфик» поддерживало Мосаддыка (особенно национализацию нефтяной промышленности), однако в период, предшествующий перевороту, перешло к критике внутрисполитического конфликта в Иране и иностранного вмешательства.

Так, в выпуске от 18 декабря 1952 г. газета «Баба Адам», временно выходявшая вместо издания «Тоуфик», посвятило обложку (рис. 1)⁷ мировому кризису, одной из причин которого стала национализация АИНК [Parviz, 2004]. На данной карикатуре черепаха (иранская нефть) окружена символическими персонификациями заинтересованных иностранных государств – «британца» Джона Булла⁸, дядюшки Сэма, коммуниста, а также китайца и итальянца. В то же время обложка выпуска от 11 декабря 1952 г. (рис. 2) посвящена вопросам британского влияния и проблеме нефти. На ней изображен тот же Джон Булл, а за его спиной – два осла, один из которых несет груз из нефтяных запасов разных стран (Ирак, Иордания, Сирия, Венесуэла, Судан), а второй олицетворяет Турцию (он изображен в феске и с подписями «Ишак-эфенди» и «Марионетка Британии»). На обложке также размещен слоган, подчеркивающий антиколониальный пафос издания: «Приводя к власти военные диктатуры, английское государство мечтает возродить былое могущество».

«Тоуфик» последовательно травестировал дискурс о британском вмешательстве в иранскую внутреннюю политику. На обложку выпуска от 22 января 1953 г. (рис. 3) выведено противостояние Мосаддыка и Абулькасима Кашани – они сражаются, сидя на ослах (причем на обоих животных расположился подпись «осел Шайтана»⁹). Политики изображены в виде двух головорезов – Асадуллы и Абдуллы, а неизменным атрибутом Мосаддыка является одеяло, в котором он появлялся на публике из-за частой простуды (оба эти тропа прослеживаются на протяжении многих выпусков). В то время, как нация пытается разнять лидеров, Джон Булл, изображенный в виде шута, радуется. Другими словами, газета критикует внутрисполитические распри, которые в нарративе издания представляются выгодными Британии и губительными для самого Ирана.

Несмотря на сатирическую направленность, «Тоуфик» последовательно воспроизводит нарратив иностранного вмешательства в иранскую внутрисполитическую жизнь, связывая это в первую очередь с национализацией нефтяной промышленности. Именно иранская нефть привлекает иностранцев, а главным закулисным игроком в представлении газеты является Великобритания. Более того, в выпусках «Тоуфик» очевидна тенденция к виктимизации Ирана – именно Британия изображается как главный инициатор и бенефициар внутрииранского политического противостояния.

«КРАСНАЯ УГРОЗА»

Начало Холодной войны было ознаменовано значительными усилиями США в распространении антикоммунистической пропаганды – при этом во всем ближневосточном регионе Ирану уделялось особое внимание [Kisatsky, 1999]. В частности, Э. Абрахамян указывает, что распространение дискурса «красной угрозы» в иранских СМИ было частью намеренного плана США по дискредитации коммунизма в Иране [Abrahamian, 2021, p. 175]. Другие исследователи также отмечают, что подобная риторика является проявле-

⁷ Рис. 1–7 см. на цветной вклейке.

⁸ Джон Булл – карикатурный собирательный образ Великобритании, возникший в XVIII в. и получивший широкое распространение в европейской сатирической прессе XIX – начала XX вв. Помимо политической сатиры этот образ также использовался в Британии пропагандистских целях как олицетворение среднестатистического англичанина. См.: [Kuchta, 2010]. В «Тоуфик» имя «Джон Булл» транслитерировалось как Jonbūl, что созвучно просторечному слову со значением «краснобай, человек, влезаящий в чужие дела». Пользуясь случаем, хотели бы поблагодарить Можган Самади за помощь в работе с материалами «Тоуфик».

⁹ Намек на персидский фразеологизм «слезть с осла Шайтана» – перестать заниматься дурными делами.

нием образовавшейся травмы «побежденного» в сознании иранского народа в результате Русско-персидских войн XIX в., разделения Ирана на сферы влияния в XX в. [Дунаева, 2022, с. 131] и т.д. Независимо от контекста в исторической памяти Ирана XX в. формируется негативный образ Москвы как сторонника колониализма [Кирчанов, 2020]. По этой причине в изданиях, находившихся под влиянием официального дискурса, прослеживается виктимизация Ирана как жертвы советского участия в событиях, предшествовавших перевороту 19 августа 1953 г.

Официальная газета «Этталаат» обвиняет сторонников Мохаммеда Мосаддыка и партии «Туде» в действиях на благо иностранных государств [*Ettelaat* 'āt 7167 (19.08.1953)]. И если в материалах «Шуреш» речь идет о США и Великобритании, то «Этталаат» не называет прямо бенефициаров политики премьера (тем самым внося в происходящее элемент конспирологии), но намекает на интерес СССР. Партия «Туде», выступавшая на стороне Мосаддыка, была основным каналом для распространения коммунистической идеологии и, стало быть, советского влияния (что, как говорилось выше, стало поводом для организации переворота).

Близкое к военным кругам издание «Техран Мосаввар» продолжает линию официальной «Этталаат», опираясь и на визуальный ряд¹⁰. Так, обложка выпуска от 28 августа 1953 г. (уже после переворота) отсылает к событиям оккупации Ирана войсками Союзников в августе – сентябре 1941 г. На этой обложке изображен Реза Пехлеви, а за его спиной – карта Ирана, поделенная между СССР и Британией (рис. 4). Заголовок «Кровавый шахривар» (*Šahrivar-e khunin*) – месяц иранского календаря, на который пришлось это событие, – подчеркивает трагичность этого момента для иранской истории и указывает на недопустимость иностранного вмешательства в иранскую политику.

Обложки сразу нескольких номеров «Техран Мосаввар» напрямую обвиняют премьера в склонении в сторону СССР. В частности, на титуле выпуска от 31.10.1952 профиль Мосаддыка изображен рядом с профилем Сталина – сам по себе коллаж выполнен в стиле советской визуальной пропаганды и снабжен заголовком «Сближается ли Тегеран с Москвой?» (рис. 5). Обложка номера от 06.03.1953 содержит портреты Мосаддыка и Мохаммеда Резы Пехлеви, а на их фоне размещен медведь в стилизованной «буденовке» (рис. 7)¹¹. На выпуске от 10.04.1953 изображен Мосаддык с чемоданом на фоне советского герба – заголовок «В сторону Москвы» (рис. 6), как и символическое изображение советской столицы на обложке, создают очевидный образ политического оппонента как сторонника СССР.

В выпуске от 22 мая 1953 г. газета «Техран Мосаввар» утверждает, что действия партии «Туде» выгодны иностранным государствам, называет членов партии «предателями» и призывает народ к решительным действиям: «Нация Ирана, отсеки головы предателям и отправь их на кладбище рядом с Пишевари» [*Tehrān Mošavvar* 510 (22.05.1953)]. «Техран Мосаввар» отсылает читателей к другому травматическому событию в истории отношений СССР и Ирана – Азербайджанскому кризису, в ходе которого Дж. Пишевари при поддержке СССР возглавил сепаратистское движение в Иранском Азербайджане. Таким образом, события переворота связывались с другими кризисными периодами в отношениях стран и выстраивались в нарратив о постоянном вмешательстве СССР во внутреннюю политику Ирана.

«Техран Мосаввар» называет переворот 19 августа 1953 г. «коммунистическим» и возлагает ответственность за беспорядки на левых. Нарратив газеты вторит «Этталаат»

¹⁰ Важно отметить, что в течение долгого времени это было единственное издание в Иране, использовавшее цветную печать, что несомненно усиливало влияние визуального ряда.

¹¹ Об образе «русского медведя» в т.ч. в политической карикатуре см.: [Россомахин, Хрусталева, 2008].

и говорит о неприятии военными политики «Туде»: «Большая часть офицеров и военных поклялась, что она сохранит свою верность шаху и будет готова на любые меры для противодействия коммунистическому перевороту» [*Tehrān Moṣavvar* 524 (28.08.1953)]. Другие выпуски газеты (22.05.1953, 19.07.1953) языком метафор говорят о противодействии иранцев советской экспансии: там лев и солнце, использовавшиеся в официальной символике вплоть до Исламской революции, борются с серпом, очевидно, ассоциирующимся с СССР. Национальный характер борьбы с советским влиянием является лейтмотивом этого издания.

Издания по обе стороны конфликта обвиняют противника в сотрудничестве с представителями иностранных государств. Анализ репрезентативных текстов позволяет прийти к следующим выводам: в то время, как газета «Шуреш» обвиняет прошахскую элиту в потворстве США и Великобритании, проправительственные газеты «Техран Мосаввар» и «Эттелаат» указывают на сотрудничество Мосаддыка с СССР. Подобное внимание к теме иностранного влияния свидетельствует о ее травматичности для иранского общества той поры. Каждый из лагерей через СМИ пытался обвинить лидера противоположной стороны в разжигании конфликта и объяснить его позицию политической несамостоятельностью и потаканием интересам иностранных государств. При этом главной жертвой в обоих случаях изображался Иран и его народ.

Исследования дискурса виктимизации в авторитарном Китае показывают, что зачастую он используется для оправдания действий режима [Lim, 2010]. Этот тезис применим к исследуемому нами иранскому кейсу: нарративы проправительственных газет выводят на передний план сотрудничество премьер-министра с СССР (к слову, до сих пор не имеющее документального подтверждения¹²) и оставляют без внимания отношения шаха с Великобританией и США. В риторике этих изданий прослеживается влияние популярного на Западе нарратива о «красной угрозе»: народ Ирана и шах изображаются как жертвы преступных действий партии «Туде», а ответственность за переворот «делегировается» на Мосаддыка и его сторонников как ставленников СССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иностранное вмешательство в переворот против Мохаммеда Мосаддыка стало ключевым пунктом дискуссий о статусе переворота, которые нашли отражение как в после-революционной прессе, так и в научной литературе [Rahnema, 2014]. При этом, как показывают релевантные для настоящей работы исследования других регионов, официальный дискурс использует эффект коллективной травмы для легитимации действующего режима [Cucciolla, 2017]. В этом смысле рассмотренные нами примеры подтверждают кризис легитимности Мохаммеда Реза-шаха на начальном этапе его правления: мобилизация сторонников монарха требует формирования новой идентичности подданных, которая в дни описываемых событий формулируется со страниц газет и строится на дискредитации главного политического противника – Мохаммеда Мосаддыка. На страницах прошахской прессы иранский премьер становится олицетворением «красной угрозы» (что вполне четко отражает возросшую популярность этого идеологического конструкта в первые годы Холодной войны), а борьба с Мосаддыком ведется не только во имя поддержки шаха, но и против разрастания коммунистического влияния в Иране. Впрочем, аналогичным

¹² А.М. Калиновский демонстрирует, что в месяцы, предшествовавшие перевороту, политическое руководство СССР было занято внутривнутрипартийной борьбой и не уделяло большого внимания событиям в Иране [Kalinovsky, 2014].

приемом пользовалась и другая сторона – оппоненты шаха с теми же целями обвиняли его в несамостоятельности и потворстве интересам США и Великобритании.

Обе стороны не только обвиняли друг друга в политической несамостоятельности, но и создавали образ Ирана как жертвы иностранных государств. И сторонники Мохаммеда Резы Пехлеви, и соратники Мосаддыка использовали дискурс виктимизации, апеллируя к колониальному прошлому Ирана, политическим потрясениям межвоенного периода и эпохи Второй мировой войны. Использование медиатизирующей функции СМИ позволяло транслировать этот дискурс на обширную аудиторию, которая придерживалась разных – зачастую диаметрально противоположных – политических взглядов. Иначе говоря, дискурс виктимизации лег в основу исторической памяти о перевороте 1953 г. и окружавших его событиях, а рассуждения о несамостоятельности акторов внутренней политики Ирана в XX в. стали неотъемлемой частью политической повестки, формировавшейся в Иране как властью, так и оппозицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арабаджян З.А. *Иран в годы Первой мировой войны*. М.: ЛЕНАНД, 2021 [Arabajian Z.A. *Iran during the First World War*. Moscow: LENAND, 2021 (in Russian)].

Дунаева Е.В. Иран. *Память о Второй мировой войне за пределами Европы*. Под ред. А.И. Миллера и А.В. Соловьева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. С. 130–150 [Dunaeva E.V. *Iran. Memory about the Second World War outside Europe*. A.I. Miller, A.V. Solovyev (eds.) Saint Petersburg: EUSP, 2022 (in Russian). Pp. 130–150].

Иран и Вторая мировая война: сборник статей. Ответственный редактор Н.М. Мамедова М.: Институт востоковедения РАН, 2011 [Iran and the Second World War: Collection of Articles. N.M. Mamedova (ed.) Moscow: IOS RAS, 2011 (in Russian)].

Кирчанов М.В. Вторая мировая война в политике памяти Ирана. *Битва за Кавказ: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Битва за Кавказ»*. Под ред. А.У. Огоева. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2022. С. 138–146 [Kirchanov M.V. The Second World War in the Memory Politics of Iran. *Battle for the Caucasus: Proceedings of the International Academic and Practical Conference «Battle for the Caucasus»*. A.U. Ogoev (ed.) Vladikavkaz: IPTS SOGU, 2022. Pp. 138–146 (in Russian)].

Россомахин А., Хрусталева Д. Россия как медведь. *Неприкосновенный запас*. 2008. № 57(1). С. 132–140 [Rossomakhin A., Khrustaleva D. Russia as a Bear. *Neprikosnovenny zasap (=Emergency Reserve)*. 2008. No. 57(1). Pp. 132–140 (in Russian)].

Abrahamian E. *Iran between two revolutions*. Princeton: Princeton University Press, 2021.

Ansari A. *The Politics of Nationalism in Modern Iran*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Atabaki T. *Iran and the First World War: Battleground of the great powers*. New York: Bloomsbury Publishing, 2006.

Cucciolla R. Legitimation through Self-Victimization. *Cahiers du monde russe*. 2017. No. 58/4. Pp. 639–668.

Ettela'āt 7167. 19.08.1953. <https://mashruteh.org/wiki/images/8/8e/Ettelaat13320527.pdf> (accessed: 27.02.2024) (in Persian).

Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. X: Iran, 1951–1954. J.C. Van Hook (ed.) Washington D.C.: United States Government Publishing Office, 2017. Document 192. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951-54Iran/d192> (accessed: 27.02.2024).

Gasiorowski M.J. The 1953 coup d'état in Iran. *International Journal of Middle East Studies*. 1987. Vol. 19. No. 3. Pp. 261–286.

- Gholizadeh Sh. The discursive construction of the 1978–1979 Iranian Revolution in the speeches of Ayatollah Khomeini. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2012. Vol. 22. No. 2. Pp. 174–186.
- Heiss M.A. *Empire and Nationhood: The United States, Great Britain, and Iranian Oil, 1950–1954*. New York: Columbia University Press, 1997.
- Hjarvard S. The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change. *Nordicom Review*. 2008. Vol. 29. No. 2. Pp. 105–134.
- Javadi H. Towfiq (Tawfiq) Newspaper. *Encyclopædia Iranica, online edition*. 2017. <http://www.iranicaonline.org/articles/towfiq-newspaper> (accessed: 27.02.2024).
- Kalinovsky A.M. The Soviet Union and Mosaddeq: A Research Note. *Iranian Studies*. 2014. Vol. 47. No. 3. Pp. 401–418.
- Keyhān. Soqūt-e eqtešād va taqviat-e estebdād, natije-e k̄hošbini be ġarb. *magiran.com*. 18.08.2020. <https://www.magiran.com/article/4078922> (accessed: 27.02.2024) (in Persian).
- Kisatsky D. Voice of America and Iran, 1949–1953: US liberal developmentalism, propaganda and the Cold War. *Intelligence and National Security*. 1999. Vol. 14. No. 3. Pp. 160–185.
- Kuchta T. *Semi-Detached Empire: Suburbia and the Colonization of Britain, 1880 to the Present*. Charlottesville: University of Virginia Press, 2010.
- Lim J.-H. Victimhood nationalism in contested memories: national mourning and global accountability. *Memory in a Global Age: Discourses, Practices and Trajectories*. A. Assman, S. Conrad (eds.) London: Palgrave Macmillan UK, 2010. Pp. 138–162.
- Lundby K. Mediatization as Key. *Mediatization: Concepts, Changes, Consequences*. K. Lundby (ed.) New York: Peter Lang, 2009. Pp. 1–18.
- Matin-Asgari A. *Both Eastern and Western: An Intellectual History of Iranian Modernity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Mokhtari F. Iran's 1953 coup revisited: Internal dynamics versus external intrigue. *The Middle East Journal*. 2008. Vol. 62. No. 3. Pp. 457–488.
- Nīrū-ye Sevvom 223. 21.07.1953. <https://luna.manchester.ac.uk/luna/servlet/s/n1ip8d> (accessed: 27.02.2024) (in Persian).
- Parviz M. Oil Agreements in Iran. *Encyclopædia Iranica, online edition*. 2004. <https://iranicaonline.org/articles/oil-agreements-in-iran> (accessed: 27.02.2024).
- Rahimi B. Censorship and the Islamic Republic: Two Modes of Regulatory Measures for Media in Iran. *Middle East Journal*. 2015. Vol. 69. No. 3. Pp. 358–378.
- Rahnema A. *Behind the 1953 Coup in Iran: Thugs, Turncoats, Soldiers, and Spooks*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Rolston B. When everywhere is Karbala: Murals, martyrdom and propaganda in Iran. *Memory Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 3–23.
- Roosevelt K. *Countercoup, the Struggle for the Control of Iran*. New York: McGraw-Hill Companies, 1979.
- Saramifar Y. Memories, piety and formation of civil religions: Do revolutionary youth sing along with the memory machine in Iran? *Memory Studies*. 2023. Vol. 16(5). Pp. 1208–1222.
- Šureš 83. 11.07.1953. <https://luna.manchester.ac.uk/luna/servlet/s/jq3ql6> (accessed: 27.02.2024) (in Persian).
- Tehrān Mošavvar 510. 22.05.1953. <https://luna.manchester.ac.uk/luna/servlet/s/0ez1p7> (accessed: 27.02.2024) (in Persian).
- Tehrān Mošavvar 524. 28.08.1953. <https://luna.manchester.ac.uk/luna/servlet/s/vpig27> (accessed: 27.02.2024) (in Persian).
- Thompson J.B. *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge: Polity Press, 1995.
- Vejdani F. *Making history in Iran: Education, nationalism, and print culture*. Redwood City: Stanford University Press, 2014.

Yazdanjoo P. *Teaching of History in the post-Revolutionary Iran: The Ideological, Political and Cultural Discourses Embedded in a Secondary School Contemporary History Textbook*. Kingston: Queen's University. 2012.

Zahrani M.T. The coup that changed the Middle East: Mossadeq v. the CIA in retrospect. *World Policy Journal*. 2002. Vol. 19. No. 2. Pp. 93–99.

Zokaie S., Vaala M. The Politics of Memory, Cultural Memory and Cultural trauma in Modern Iran. *Cultural Studies & Communication*. 2020. Vol. 16(58). Pp. 11–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛОНЦЕВ Максим Альбертович – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Maxim A. ALONTSEV, PhD (Philology), Associate Professor, HSE University, Moscow, Russia.

ТИТОВА Вероника Сергеевна – магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Veronica S. Titova, Master student, HSE University, Moscow, Russia.

Иллюстрации к статье М.А. Алонцева, В.С. Титовой

Рис. 1. «Баба Адам», выпуск от 18.12.1952.

Fig. 1. Bābā Ādam, 18.12.1952 issue.

Рис. 2. «Баба Адам», выпуск от 11.12.1952.

Fig. 2. Bābā Ādam, 11.12.1952 issue.

Рис. 3. «Тоуфик», выпуск от 22.01.1953.

Fig. 3. Tawfīq, 22.01.1953 issue.

Рис. 4. «Техран Мосаввар», выпуск от 28.09.1953.

Fig. 4. Tehrān Mošavvar, 28.09.1953 issue.

Рис. 5. «Техран Мосаввар»,
выпуск от 31.10.1952.

Fig. 5. Tehrān Moşavvar, 31.10.1952 issue.

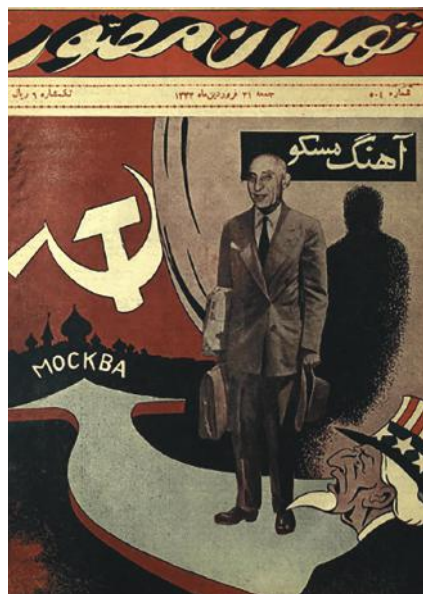

Рис. 6. «Техран Мосаввар»,
выпуск от 06.03.1953.

Fig. 6. Tehrān Moşavvar, 06.03.1953 issue.

Рис. 7. «Техран Мосаввар»,
выпуск от 10.04.1953.

Fig. 7. Tehrān Moşavvar, 06.03.1953 issue.